

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 27.07.2022
Принята к публикации: 10.09.2022

Мария Андреевна МИЛЮКОВА

Московская коллегия адвокатов «Тимофеев, Фаренвальд и партнеры»
Лужнецкая наб., д. 6, Москва, 119270, Российская Федерация
m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

ВОЗОБНОВЛЯЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕС

ВВЕДЕНИЕ. В условиях постепенной переориентации глобальной энергосистемы с углеродной энергетики на возобновляемые виды энергии (энергия солнца, ветра, приливов и др.) с целью минимизации антропогенной нагрузки на экосистему Земли особую актуальность приобретают вопросы международного сотрудничества в данной сфере. То обстоятельство, что вопросы энергетической безопасности тесно увязаны с национальной безопасностью государств, различным образом обеспеченных углеродными ресурсами, делает международную повестку по вопросам возобновляемых источников энергии одним из способов влияния на внешнюю политику государств. Автор настоящей статьи проводит анализ основных правовых механизмов сотрудничества в сфере возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) между государствами – членами Европейского союза как организации, которая, ставя своей целью снижение энергетической зависимости от углеводородов из России, делает акцент в том числе на разработку наиболее эффективных способов такого сотрудничества. Автор отстаивает тезис, что правовая оценка достоинств и недостатков таких механизмов позволит оценить потенциал их адаптации для основных

площадок, на которых преимущественно реализуется региональное сотрудничество России (ЕАЭС, Арктический совет).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В настоящем исследовании использованы источники права ЕС (регламенты, директивы), которые определяют сотрудничество государств-членов в области возобновляемой энергии, международные договоры между государствами-членами, заключенные на основе указанных правовых актов ЕС, а также исследования представителей зарубежной доктрины по проблемам имплементации соответствующих правовых норм. Проводя оценку возможностей использования соответствующих механизмов в рамках международных отношений с участием России, автор использует международные договоры, декларации и решения органов таких международных организаций, как СНГ, ЕАЭС, Арктический совет.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, классификация, систематизация, прогнозирование) и частнонаучные методы (формально-юридический и сравнительно-правовой).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье проведен комплексный правовой анализ трех

основных механизмов сотрудничества государств – членов ЕС (статистические передачи, совместные проекты и совместные схемы поддержки). Выявлен ряд проблем, снижающих эффективность указанных механизмов, которые включают неопределенность в отношении продления сроков их применения после 2030 г., отсутствие практики санкций за несоблюдение обязательных целей, предусмотренных соответствующими директивами, наличие определенных ограничений для суверенитета государств – членов ЕС и в связи с этим недостаточная мотивация для их применения. Отмечается, что основной стимул для использования механизмов состоит в достижении государствами-членами императивных целей в области статистики использования ВИЭ в их национальном энергобалансе. Несмотря на перечисленные выше проблемы, автор указывает, что в настоящее время содержание правового регулирования ЕС, судя по его детальной проработке, можно отнести к лучшим практикам в области международно-правового регулирования использования ВИЭ. В связи с этим концептуальные основы механизмов сотрудничества государств – членов ЕС могут быть использованы при разработке способов взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза и Арктического совета (как организации, которая принимает ключевые решения в отношении экологической безопасности Арктического региона).

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В ходе анализа автор обращался к директивам и регламентам ЕС, упорядочивающим процедуры сотрудничества между государствами-членами в области возобновляемой энергетики, а также к практике применения этих процедур. Принцип таких механизмов взаимодействия, основанный на необходимости стимулирования государств достигать поставленных ими целевых статистических показателей использования ВИЭ в национальном энергобалансе,

представляется оптимальным и для разработки международно-правовых мер поддержки ВИЭ на площадках с участием России.

Автор приходит к выводу, что одним из наиболее эффективных направлений такого сотрудничества могла бы стать разработка соответствующих механизмов в рамках ЕАЭС. Деятельность данной организации направлена на интеграцию рыночных систем государств-участников, а ограниченный круг таких участников мог бы позволить избежать многих политических противоречий, которые уже возникали в процессе согласования аналогичных механизмов в СНГ. Кроме того, с учетом стратегического значения Арктического региона для России концептуальные идеи данных механизмов могли бы быть рассмотрены и в контексте Арктического совета. В настоящий момент работа данного международного форума приостановлена в ответ на действия нашего государства по разрешению украинского кризиса, что не способствует конструктивному решению вопросов сохранения экосистемы Арктики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: возобновляемые источники энергии, Европейский Союз, Арктический совет, Арктический регион, устойчивое развитие, интеграционные процессы, энергетическое сотрудничество, Евразийский экономический союз

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Милукова М.А. 2022. Возобновляемые источники энергии: международно-правовые механизмы сотрудничества государств – членов ЕС. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 68–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>Research article
Received 27 2022
Approved 10 September 2022**Maria A. MILYUKOVA**Moscow Law Firm "Timofeev, Vahrenwald and Partners"
6, Luzhnetskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119270
m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

RENEWABLE ENERGY SOURCES: INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR COOPERATION BETWEEN THE EU MEMBER STATES

INTRODUCTION. *The gradual reorientation of the global energy system from carbon energy to renewables (solar, wind, tidal energy etc.) aimed at reducing human-caused environmental changes raises the issue of international cooperation in this area. Moreover, energy security issues being closely connected with the ones of national security, the international agenda on renewable energy sources is highly influenced by the geopolitical situation, too.*

The author analyzes the legal mechanisms for cooperation regarding renewable energy between the Member States of the European Union, an international organization that, aiming to reduce its dependence on carbon energy resources from Russia, focuses, among other things, on developing the most effective ways of such cooperation. The author defends the thesis that a legal assessment of such mechanisms' advantages and disadvantages will help assess the potential for their conceptual adaptation within the platforms where Russia's regional cooperation is implemented (i.e. the Eurasian Economic Union and the Arctic Council).

MATERIALS AND METHODS. *In the course of the study, the author used sources of EU law (regulations, directives) regulating cooperation between the Member States in the field of renewable energy, international agreements concluded in accordance therewith, as well as studies of foreign scientific works on the issues of implementation of the relevant rules. Furthermore, assessing the possibilities of using the relevant mechanisms in regional organizations of which Russia is a member, the author uses international treaties, declarations and decisions of bodies of such international*

organizations as the CIS, the EAEU, and the Arctic Council. The methodological basis of the study was formed by general scientific techniques (analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, classification, systematization, forecasting) and private scientific techniques (formal legal and comparative legal method).

RESEARCH RESULTS. *The article provides a comprehensive legal analysis of the three main mechanisms for cooperation between EU Member States (statistical transfers, joint projects and joint support schemes). Several issues were identified that reduce their effectiveness, including uncertainty regarding the extension of the deadlines for their application after 2030, the lack of sanctions for non-compliance with mandatory targets provided for by the relevant directives, sovereignty restrictions and, in this regard, insufficient motivation for their application. It is noted that the main incentive for using the outlined mechanisms is the Member States' binding statistical goals in renewable energy use in their national energy mix. Nevertheless, despite the above issues, the author points out that the ideas of the EU legal regulation at present, after its detailed study, can be attributed to the "best practices" of international legal regulation of the use of renewable energy. In this regard, the conceptual foundations of the cooperation mechanisms between the EU Member States can be used in developing interaction within the framework of the Eurasian Economic Union and the Arctic Council (as an organization within which key decisions are made regarding the environmental security of the Arctic region).*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *Within the research framework, the author analyzed the EU directives and regulations governing the procedures for cooperation between its Member States regarding renewable energy and the practice of implementing such procedures. These interaction mechanisms encouraging states to achieve their own binding goals in renewable energy use seem optimal for developing international legal measures to support RES in organizations and forums with the participation of Russia. The author concludes that one of the most effective areas of such cooperation could be the development of appropriate mechanisms within the framework of the EAEU. This organization aims to integrate the market systems of the member states. Therefore, a limited circle of its members could make it possible to avoid many political contradictions that have already arisen in the negotiations on similar mechanisms in the CIS. In addition, given the strategic importance of the Arctic region for Russia, the ideas of these mechanisms*

could also be considered in the Arctic Council. Although, at the moment, the work of this international forum has been suspended as a reaction of other Arctic states to Russia's actions regarding the Ukrainian crisis, it does not seem to be a viable option to solve the issues of preserving the ecosystem of the Arctic.

KEY WORDS: *renewable energy sources, European Union, Arctic Council, Arctic region, sustainable development, integration processes, energy cooperation, Eurasian Economic Union*

FOR CITATION: Milyukova M.A. Renewable Energy Sources: International Legal Mechanisms for Cooperation between the EU Member States. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 3. P. 68–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-68-88>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

Трансграничные вопросы недропользования и в целом природопользования [Вылегжанин 2005:7–33], в том числе вопросы предотвращения природоресурсных конфликтов государств [Вылегжанин, Салыгин, Крымская 2020: 23–41] и выработки энергии¹, традиционно являются одним из приоритетов исследователей международного права при особом внимании к гармонизации производства энергии и охраны окружающей среды на нашей планете². Защита климатической системы Земли является одной из «грандиозных задач планетарного управления» [Young 2021:16-17], а соответствующие усилия многих государств по использованию «чистых» энергетических продуктов, в частности полученных с использованием возобновляемых источников энергии являются общемировой тенденцией. Расширение использования ВИЭ способно вне-

сти существенный вклад в сокращение выбросов парниковых газов, а также в решение проблемы глобального изменения климата. Так, по прогнозам Международного агентства по возобновляемым источникам энергии (ИРЕНА), следование государствам предлагаемому в одном из последних отчетов сценарию преобразования энергетической системы, основанному на расширении использования ВИЭ, может позволить добиться сокращения мировых выбросов углекислого газа, связанных с производством энергии, на 70 % к 2050 году. При этом более 90 % такого сокращения станет возможным благодаря ВИЭ и мерам по повышению энергоэффективности³.

В сентябре 2020 г. компания «BP p.l.c.» в своем прогнозе Energy Outlook анонсировала предстоящую переориентацию «глобальной энергетической системы» с углеродной энергетики на возобновляемые источники энергии⁴. Каждый из предложенных сценариев такого глобаль-

¹ *Международно-правовые основы недропользования: учебник.* Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Норма. 2007. С. 41-51.

² Андреева Е.Е., Кукушкина А.В. Современные правовые механизмы, обеспечивающие сочетание социально-экологических и экономических интересов. – *Международное право. В 2 частях. Ч. 2: учебник для вузов.* Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. 2021. С. 82-86.

³ IRENA: Global Renewables Outlook: Energy Transformation 2050. 2020. URL: <https://www.irena.org/publications/2020/Apr/Global-Renewables-Outlook-2020> (accessed 07.10.2021).

⁴ BP Energy Outlook. 2020. P. 7. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2020.pdf> (accessed 07.10.2021).

ного перехода, согласно данным прогноза, может стать причиной снижения в ближайшие 30 лет спроса на нефть от 10 % до 80 %. Напротив, доля возобновляемой энергетики в мировом энергобалансе увеличится (согласно сценарию Rapid) с 5 % в 2018 г. до 45 % в 2050 г. Увеличение доли ВИЭ за последние два года констатировало также *Международное энергетическое агентство* (далее – МЭА) в докладе Global Energy Review, выпущенном в апреле 2021 г. С учетом «невосприимчивости ВИЭ в значительной степени» к пандемии, МЭА прогнозировало устойчивый рост доли ВИЭ в общем объеме производства электроэнергии с 27 % в 2019 г. до 30 % в 2021 г.⁵

На фоне указанных тенденций актуальность приобретают вопросы совершенствования правового регулирования отношений, связанных с поощрением использования ВИЭ. При этом взаимодействие экономик различных государств в энергетической сфере делает приоритетным вопрос о международно-правовом регулировании такого взаимодействия в отношении ВИЭ. Поиск взаимоприемлемых правовых механизмов в данной сфере во многих случаях сопряжен с разными, иногда противоположными интересами государств, неодинаково обеспеченных природными ресурсами.

Существенное влияние на этот процесс оказывает геополитическая обстановка. Так, в июне 2021 г. международная компания Fortescue Future Industries (далее – FFI), зарегистрированная в Австралии, и Министерство энергетики России вели переговоры о создании совместной рабочей группы по изучению возможностей реализации проектов по производству в Российской Федерации (далее – РФ) экологически чистого водорода⁶. В состав этой рабочей группы должны были войти представители Минпромторга России, Минтранса России и компании энергетического сек-

тора. Вместе с тем после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции РФ на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики FFI объявила об «утрате интереса» в таком сотрудничестве по политическим мотивам⁷. А ровно через месяц – о подписании Меморандума о взаимопонимании с немецкой компанией E.ON, являющейся одним из крупнейших в Европе операторов энергетических сетей и энергетической инфраструктуры, с целью добиться к 2030 г. доставки в ЕС до 5 миллионов тонн в год экологически чистого возобновляемого водорода (GH₂), чтобы «как можно быстрее снизить энергетическую зависимость от ископаемого топлива из России»⁸. По утверждениям сторон Меморандума 5 миллионов тонн в год возобновляемого водорода равны примерно одной трети тепловой энергии, импортируемой Германией из России.

Таким образом, вопросы поощрения и использования ВИЭ носят не только экономический или технологический, но и политико-правовой характер.

При этом Россия, экономика которой основана на традиционных энергоресурсах, прежде всего на природном газе, нефти и угле, не имеет длительной законодательной истории регулирования использования таких источников энергии, как энергия солнца, ветра, приливов. Вместе с тем гидроэнергетика и геотермальная энергетика давно и весьма динамично развиваются в России [Слива 2014:20–30; Бутузов 2019:4–6].

В стремительно меняющихся геополитических условиях актуальной является проблема структурирования Россией международного сотрудничества в области ВИЭ и отражения соответствующих приоритетов в ее политико-правовых документах. Как отмечается в экспертном сообществе, данная область энергетики, несмотря на сложившуюся ситуацию неопределен-

⁵ IAEA: Global Energy Review. 2021. URL: <https://www.iaea.org/reports/global-energy-review-2021/economic-impacts-of-covid-19> (accessed 07.10.2021).

⁶ Минэнерго России и Fortescue Future Industries создадут рабочую группу по чистому водороду. – *Официальный сайт Министерства энергетики РФ*. 03.06.2021. URL: <https://minenergo.gov.ru/en/node/20824> (дата обращения: 25.06.2022).

⁷ Penson S. Fortescue ends interest in Russian hydrogen sector. – *Hydrogen Economist*. March 1, 2022. URL: <https://pemedianetwork.com/hydrogen-economist/articles/strategies-trends/2022/fortescue-ends-interest-in-russian-hydrogen-sector/> (accessed 25.06.2022).

⁸ Fortescue Future Industries and E.ON partner on journey to become Europe's largest green renewable hydrogen supplier and distributor. – *FFI Official Website*. March 29, 2022. URL: <https://www.fmgil.com.au/in-the-news/media-releases/2022/03/29/fortescue-future-industries-and-e.on-partner-on-journey-to-become-europe%27s-largest-green-renewable-hydrogen-supplier-and-distributor> (accessed 25.06.2022).

ности, будет продолжать развиваться⁹, что потребует надлежащего международно-правового оформления.

В мировой практике разработан ряд международно-правовых инструментов сотрудничества государств по проблемам ВИЭ. Анализ достоинств и недостатков таких инструментов является первым шагом к формированию Россией соответствующих предложений о сотрудничестве с ее стратегическими партнерами.

В настоящей статье анализируются основные правовые механизмы межгосударственного сотрудничества в сфере ВИЭ на пространстве Европейского союза (далее – ЕС), как международной организации, в отношении которой Россия является крупнейшим поставщиком энергоносителей и текущий политический курс которой состоит в снижении зависимости от этих российских поставок¹⁰.

На основании анализа достоинств и недостатков указанных механизмов сделан вывод о потенциале использования данных механизмов на основных площадках регионального сотрудничества России, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и Арктического совета.

2. Основные формы сотрудничества государств – членов ЕС в сфере ВИЭ

Компетенция ЕС как международной организации и особого международного интеграционного образования определена учредительными договорами ЕС («источники первичного права»), имеющими высшую юридическую силу, которым

должны соответствовать акты «вторичного права» институтов ЕС – регламенты, директивы и решения¹¹. Указанная иерархия источников права ЕС применима к отношениям государств-членов в сфере энергетики, которая п. 2 ст. 4 Договора о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г., в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) отнесена к области совместной компетенции ЕС и его государств-членов. Статья 194 этого договора определяет границы и цели энергетической политики ЕС, в число которых входит «продвижение энергоэффективности и энергосбережения и развитие новых и возобновляемых форм энергии»¹². Достижение указанной цели должно осуществляться «в контексте построения и функционирования внутреннего рынка при необходимости сохранения и улучшения окружающей среды» и «в духе солидарности между государствами-членами»¹³.

Отнесение энергетики к области совместной компетенции ЕС и государств-членов определяет особенности и пределы регулирования актов «вторичного» права ЕС, которые могут приниматься институтами Союза с соблюдением принципа субсидиарности. Согласно данному принципу ЕС может принимать меры по вопросам, входящим в совместную компетенцию, только если на уровне государств-членов цели таких мер не могут быть достигнуты в необходимой степени (ст. 5(3) Договора о Европейском союзе)¹⁴.

В этом контексте следует толковать основной правовой акт Европейского союза в области возобновляемой энергетики – Директиву (ЕС) 2018 / 2001 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 11 декабря 2018 г. о по-

⁹ Егорова А. Стабильные перспективы в нестабильной ситуации. – *Коммерсантъ*. 26.04.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5318348> (дата обращения 25.06.2022).

¹⁰ Так, в отчете Европейского парламента от 11 марта 2022 г. указывается, что Россия все еще остается крупнейшим поставщиком энергоресурсов в ЕС. Хотя и отмечается, что доля энергоносителей в импорте из РФ снизилась к 2021 г. до 62 % в сравнении с 77 % в 2011 г. По итогам 2021 г. общий объем импорта из России составил около 45 % от импорта всего газа в ЕС и почти 40 % от общего объема потребления газа European Parliament: EU economic and financial developments: Weekly Picks. March 11, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/689436/IPOL_BRI\(2022\)689436_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/689436/IPOL_BRI(2022)689436_EN.pdf) (accessed 31.05.2022). В другом отчете приводятся данные по доли российской нефти и угля в европейском импорте: 27 % и 46 % соответственно. См.: European Parliament: Economic repercussions of Russia's war on Ukraine – Weekly Digest. March 18, 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/699512/IPOL_IDA\(2022\)699512_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2022/699512/IPOL_IDA(2022)699512_EN.pdf) (accessed 05.05.2022). Оба приведенных отчета указывают на необходимость снижения энергетической зависимости от РФ «как можно скорее» (as soon as possible).

¹¹ *Право Европейского Союза: учебник для магистров*. Под ред. С. Ю. Кашкина. 3-е изд. М.: Юрайт. С.140-141.

¹² Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Rome, 1957, as amended by the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed 25.06.2022).

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

ощрении использования энергии из возобновляемых источников (далее – RED II)¹⁵, которая представляет собой пересмотренную Директиву (ЕС) Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2009 / 28 / ЕС от 23 апреля 2009 г. о стимулировании использования энергии из возобновляемых источников (далее – RED I)¹⁶.

Обе директивы устанавливают обязательные цели по достижению Европейским Союзом валового показателя энергопотребления из возобновляемых источников в пропорции не менее 20 % от общего энергопотребления к 2020 г.¹⁷, 32% – к 2030 г.¹⁸ При этом обе директивы предусматривают обязанность государств – членов ЕС установить индивидуальные цели по достижению определенной доли энергопотребления из возобновляемых источников, чтобы итоговый результат в 20 % и 32 % был достигнут на уровне ЕС в установленные директивами сроки.

В рамках RED II предусмотрено, что такие индивидуальные цели устанавливаются государствами-членами в их национальных планах по энергетике и климату (National energy and climate plans) на 2021–2030 гг. Разработка указанных планов предусмотрена Регламентом по управлению Энергетическим союзом и действиям по борьбе с изменением климата (ЕС) 2018 / 1999 гг. (далее – Регламент по управлению Энергетическим союзом) согласно которому отдельный раздел таких национальных планов должен быть посвящен описанию целевых показателей в отношении ВИЭ до 2030 г. и мер, которые предполагается предпринять для их достижения¹⁹. При этом в Приложении II к RED II предусмотрена формула, на основании которой государ-

ства-члены должны определять такие индивидуальные целевые показатели для закрепления их в национальных планах.

Установление целевых показателей государствами-членами имеет ключевое значение для механизмов сотрудничества между государствами-членами, предусмотренных RED II. Идентичные организационно-правовые механизмы сотрудничества были предусмотрены и действовавшей до 2020 г. директивой RED II, которая внесла коррективы только в отдельные аспекты их использования без принципиального изменения общей идеи и правовой конструкции таких механизмов.

Директивы RED I и RED II определили общие правила статистического учета результатов использования этих механизмов, но их разработка и реализация оставлены в основном на усмотрение сотрудничающих государств-членов.

К основным механизмам сотрудничества между государствами – членами ЕС, таким образом, относятся следующие.

1. «Статистические передачи» возобновляемой энергии. Статья 8 RED II предусматривают возможность учета возобновляемой энергии, произведенной одним государством-членом, в статистике ВИЭ другого государства-члена. Предполагается, что такие передачи энергии призваны стимулировать превышение государствами-членами своих национальных показателей энергопотребления на основе ВИЭ, поскольку в таком случае они могут получать оплату за энергию, «переданную» другим государствам в рамках данного механизма. Государства-покупатели (в которых производство

¹⁵ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

¹⁶ EU: Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the promotion of the use of energy from renewable sources and amending and subsequently repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:140:0016:0062:en:PDF> (accessed 25.06.2022).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

¹⁹ EU: Regulation 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.) Art.3. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:02018R1999-20210729&qid=1663142581706&from=en> (accessed 25.06.2022).

энергии с использованием возобновляемых источников является менее рентабельным), в свою очередь, смогли бы достигать своих целей с меньшими затратами. Соответствующие соглашения могут заключаться государствами-членами с использованием разработанной Европейской Комиссией платформы развития возобновляемых источников энергии Союза²⁰, которая представляет собой некоторую биржу, на которой стоимость передаваемой возобновляемой энергии определяется с использованием рыночных механизмов²¹.

2. Совместные проекты государств – членов ЕС. Статья 9 RED II предполагают возможность государств – членов ЕС участвовать в финансировании проектов с использованием ВИЭ, имеющих отношение к производству электричества и тепла, и совместно определять, какая доля энергии из возобновляемых источников будет учитываться в достижении соответствующих национальных показателей участников проекта. При этом устанавливается, что проекты не обязательно должны предполагать физическую передачу энергии из одного государства-члена в другое. То есть данная норма предусматривает ситуацию, когда инвесторы одного государства-члена могут участвовать в проектах ВИЭ на территории другого государства-члена ЕС и результаты такой деятельности по договоренности между государствами могут быть частично или полностью зачтены в статистику государства регистрации соответствующего инвестора.

3. Совместные схемы поддержки. Статья 13 RED II предусматривает механизм, позволяющий государствам-членам объединять или координировать (частично) национальные системы поддержки ВИЭ (в отличие от совместных проектов, здесь нет ограничений по виду производимой энергии) и совместно определять, каким образом учитывать произведенную таким образом возобновляемую энергию. Эта форма сотрудничества может включать такие меры, как

общий льготный тариф, общая льготная надбавка или общий режим торговли квотами и сертификатами.

Использование механизмов сотрудничества между государствами-членами должно было стать экономически выгодным для всех участников. Так, государства-члены, финансирующие развитие ВИЭ в другом государстве, получают выгоду, достигая своего целевого показателя с наименьшими затратами. Государства-члены, превышающие свои целевые показатели по ВИЭ, получают доход от ее продажи в рамках статистических передач, а также выгоды, непосредственно связанные с фактом расширения производства возобновляемой энергии: увеличение дохода от продажи такой энергии, наличие дополнительной энергии для потребления, создание рабочих мест, технологические инновации и др.²² Кроме того, использование таких механизмов должно способствовать становлению единого рынка энергии, произведенной с использованием ВИЭ.

3. Проблемы использования механизмов сотрудничества государств – членов ЕС по проблемам ВИЭ, предусмотренным RED II

Несмотря на перечисленные предполагаемые взаимные выгоды, за все время существования RED I и RED II государства-члены недостаточно использовали данные механизмы, что объясняется рядом политико-правовых и экономических проблем их имплементации.

Часть указанных проблем, влияющих на эффективность механизмов сотрудничества государств – членов ЕС в отношении достижения целевых показателей, установленных директивами, вызвана *внутренними факторами*, а именно несовершенством использованных правовых концепций и юридической техники.

С другой стороны, невозможно рассматривать содержание директив по ВИЭ и в отрыве от экономической и геополитической реальности,

²⁰ Union renewable development platform. URL: <https://union-renewables-development-platform.ec.europa.eu> (accessed 25.06.2022).

²¹ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). Art. 8. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

²² EU: Commission Staff Working Document. Guidance on the use of renewable energy cooperation mechanism. Accompanying the document Communication from the Commission "Delivering the internal electricity market and making the most of public intervention". November 5, 2013. P. 3. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2014-10/com_2013_public_intervention_swd05_en_0.pdf (accessed 25.06.2022).

в которой осуществляется их имплементация (внешние факторы).

Среди основных политико-правовых проблем, вызванных внутренними факторами, можно выделить следующие:

1. *Неопределенность в отношении продолжения действия обязательных целей RED II после 2030 г.* [Wyns, Khatchadourian 2016: 582].

В то время как общие обязательные цели по ВИЭ на 2030 г. для ЕС в целом являются особенностью действующей RED II, Директива не содержит положений, позволяющих автоматически расширить национальные или общеевропейские цели по ВИЭ после 2030 г. [Klessman et al. 2014: 11]. Согласно п. 3 ст. 33 RED II, в 2026 г. Европейская Комиссия должна представить, «при необходимости», «законодательное предложение о нормативно-правовой базе для продвижения энергии из возобновляемых источников на период после 2030 г.». Указанное предложение должно учитывать «опыт реализации настоящей Директивы, включая ее критерии устойчивости и сокращения выбросов парниковых газов, а также технологические разработки в области энергетики из возобновляемых источников».

Тем не менее отсутствует безусловная определенность в отношении того, что такая «нормативно-правовая база» будет принята и по своему содержанию будет продолжать курс, предложенный RED II. При этом следует отметить преимущество основных идей и механизмов сотрудничества RED II в отношении RED I. Представляется, что нормативно-правовая работа Комиссии в дальнейшем также будет развиваться в направлении совершенствования уже разработанных организационно-правовых форм поддержки ВИЭ и поэтапного увеличения доли энергопотребления из возобновляемых источников в общеевропейском энергобалансе. Об этом также может свидетельствовать и тот факт, что национальные планы по энерге-

тике и климату предполагают их разработку на каждое десятилетие, начиная с 2021 г. Вместе с тем Регламент по управлению Энергетическим союзом прямо устанавливает, что цели государств – членов ЕС в области ВИЭ, составляющие один из разделов таких планов, предполагают планирование исключительно до 2030 г. Тем не менее, учитывая стремление ЕС к энергонеzáвисимости и в связи с этим высокий приоритет проектов в области ВИЭ, полагаем, что в соответствующие разделы Регламента по управлению Энергетическим союзом будет предложено внести изменения в сроки, предусмотренные п. 3 ст. 33 RED II.

2. *Отсутствие действенных санкций за несоблюдение обязательных целей Директивы.*

Единственным последствием несоблюдения положений RED I была общая процедура обращения Европейской комиссии в Суд ЕС в соответствии с положениями ст. 258–260 Договора о функционировании ЕС. Данная процедура является достаточно длительной и сложной (по состоянию на декабрь 2018 г. средняя продолжительность одной процедуры составляет 38,1 месяцев). До привлечения государства-члена к ответственности, таким образом, может пройти несколько лет²³. Так, медленная реализация положений Директивы, препятствующая продвижению возобновляемой энергии и движению к большей энергетической независимости, вынудила Европейскую комиссию инициировать процедуры о несоблюдении требований в отношении различных государств – членов ЕС²⁴. В четырех из этих дел, а именно против Австрии, Кипра, Ирландии и Польши, Комиссия подала заявления в Суд ЕС, требуя выплаты штрафов от государств-членов, не соблюдающих требования Директивы. Эти действия достигли своей цели, поскольку в вышеупомянутых четырех случаях государства-члены добровольно выполнили свои обязательства после того, как они были переданы в Суд, в результате чего Комиссия ото-

²³ European Commission: 'Single Market Scoreboard' (December 2018). Reporting period: 12/2017 – 12/2018. URL: https://ec.europa.eu/internal_market/scoreboard/_docs/2019/performance_by_governance_tool/infringements_en.pdf (accessed 25.06.2022).

²⁴ Дела открыты, и мотивированные мнения были направлены в Австрию, Болгарию, Кипр, Чешскую Республику, Финляндию, Венгрию, Ирландию, Латвию, Люксембург, Нидерланды, Польшу и Словению. См.: Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Renewable energy progress report. March 27, 2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2013:0175:FIN:EN:PDF> (accessed 25.06.2022).

звала свои требования²⁵. Тем не менее указанные требования Комиссии касались не фактического достижения индивидуальных целей, а нарушения процессуальных обязательств, связанных со своевременной и полной имплементацией Директивы в национальное законодательство [Monti, Martinez Romera 2020:225].

В новой директиве RED II предусмотрено, что указанный национальный план становится не самостоятельным документом²⁶, а частью Национального плана по энергетике и климату, обязанность по подготовке которого, как указано выше, возложена на государства-члены Регламентом по управлению Энергетическим союзом. После представления государствами-членами своих Национальных планов (и, впоследствии, своих периодических отчетов) Европейская комиссия проводит совокупную оценку прогресса государств – членов ЕС. При этом статьями 30–32 Регламента установлена процедура выдачи Комиссией целевых рекомендаций и принятия мер реагирования в случаях, когда цели, задачи и вклад государств-членов недостаточны для коллективного достижения целей Энергетического союза, в частности целей по ВИЭ до 2030 г. Кроме того, Комиссия также имеет право давать общие рекомендации всем государствам-членам, если на основе совокупной оценки Национальных отчетов государств-членов она придет к выводу, что ЕС «рискует не достичь целей по возобновляемой энергетике на период до 2030 г.»²⁷. Кроме того, согласно ст. 32(2) Регламента по управлению Энергетическим союзом, если Комиссия в

процессе оценки причин недостижения каким-либо из государств-членов принятых им целевых показателей придет к выводу, что его национальные меры в области ВИЭ недостаточны для достижения целей Союза в области ВИЭ, Комиссия уполномочена, «если это целесообразно, предлагать меры и осуществлять свои полномочия на уровне Союза в дополнение к этим рекомендациям, чтобы обеспечить, в частности, достижение цели Союза к 2030 г. в отношении возобновляемых источников энергии»²⁸.

Данный механизм немедленного реагирования Комиссии на возможные отклонения от национальных планов (хотя и в виде рекомендаций, а не безусловно обязательных для исполнения предписаний), по мнению А. Монти и Б.М. Ромера, может оказаться достаточно эффективным, поскольку такие меры будут направлены не на привлечение к ответственности государств – членов ЕС по истечении срока действия директивы (по результатам оценки итогов ее применения), а непосредственно в процессе ее реализации [Monti, Martinez Romera 2020:227]. Кроме того, открытая формулировка ст. 32(2) Регламента в отношении достижения «конечных целей» дает ЕС достаточную гибкость для прямого вмешательства, когда это необходимо, с нормативными инструментами, которые могут напрямую влиять на состав национальных энергосистем государств-членов.

3. *Неочевидность пользы для электроснабжения использующих механизмы сотрудничества государств.*

²⁵ European Court of Justice: European Commission v Republic of Poland. Case C-320/13. March 30, 2015. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?jsessionid=151B675CB6FD51A7879D2172E66774AD?text=&docid=163838&pageIndex=0&doclang=FR&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=103916> (accessed 25.06.2022); European Court of Justice: European Commission v Republic of Cyprus. Case C-386/13. September 24, 2014. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=158502&pageIndex=0&doclang=FR&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=104613> (accessed 25.06.2022); European Court of Justice: European Commission v Republic of Austria. Case C-663/13. April 29, 2015. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=164321&pageIndex=0&doclang=FR&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=104775> (accessed 25.06.2022); European Court of Justice: European Commission v Ireland. Case C-236/14. January 20, 2015. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=162062&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=104990> (accessed 25.06.2022).

²⁶ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). Preamble (30). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

²⁷ EU: Regulation 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.) Art. 32(2). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:02018R1999-20210729&qid=1663142581706&from=en> (accessed 25.06.2022).

²⁸ Ibidem.

Основной смысл механизмов сотрудничества, предусмотренных RED II, заключается в том, чтобы обеспечить «виртуальный импорт» энергии, произведенной с использованием ВИЭ, что не обязательно предполагает ее физическую передачу. В связи с этим механизмы сотрудничества между государствами-членами подвергались критике из-за отсутствия фактической пользы электроснабжению приобретающего государства.

В свою очередь даже совместные проекты, предусматривающие физическую передачу электроэнергии, произведенной с использованием ВИЭ, имеют свои отрицательные стороны: создается риск перегрузки энергосети принимающего государства и использования его энергетических ресурсов иностранными потребителями, не говоря уже о технических проблемах физической передачи такой электроэнергии [Klessman et al. 2014: 12].

Наконец, при реализации совместных проектов на территории одного государства-члена («принимающее государство»), предполагающих физическую передачу энергии, иностранное государство-инвестор будет заинтересовано в использовании наиболее эффективных ресурсов ВИЭ, в то время как энергопотребители принимающего государства будут нести расходы на поддержку менее эффективных проектов²⁹. Поэтому для легитимизации соответствующих совместных проектов важна четкая связь затрат, выгод и их компенсации.

4. Потенциальные угрозы суверенитету государств – членов ЕС.

В докладе о первых итогах реализации директивы RED I «Сотрудничество между государствами – членами ЕС в соответствии с Директивой о возобновляемых источниках энергии» 2013 г. высказывались опасения, что реализация предусмотренных RED I совместных проектов и проектов совместной поддержки ВИЭ может нанести ущерб внутренним национальным системам поддержки ВИЭ. Тем не менее первый опыт

работы с механизмами сотрудничества показал, что, несмотря на различия в национально-законодательном регулировании ВИЭ, государствам-членам не обязательно отказываться от ключевых принципов национальной поддержки ВИЭ, если будут четко определены пределы реализации соответствующих проектов³⁰.

Так, с 1 января 2012 г. в Швеции и Норвегии действует совместная система сертификации электроэнергии, порядок функционирования которой государства установили в заключенном 29 июня 2011 г. Соглашении о совместном рынке сертификатов электроэнергии³¹. Участие Швеции в данной схеме совместной поддержки позволило расширить систему сертификации электроэнергии, действующей в государстве с 2003 г. В свою очередь в Норвегии доходы от сертификатов заменяют действовавшую ранее инвестиционную поддержку ветряных электростанций, предоставляемую государственным предприятием Enova. Совместная схема поддержки основывается на шведском опыте работы на рынке зеленых сертификатов [Klessman et al. 2014:6].

Основная идея совместной схемы поддержки состоит в выдаче предприятиям-производителям электроэнергии из ВИЭ зеленых сертификатов за каждый мегаватт-час (МВтч) произведенной электроэнергии. Такие сертификаты признаются активами (ценными бумагами), которыми можно торговать на бирже. Компании, продающие электроэнергию, а также некоторые потребители электроэнергии в силу закона обязаны приобретать определенное количество сертификатов пропорционально произведенной или потребленной энергии. Затраты данных субъектов впоследствии переносятся на счета конечных потребителей. «Общность» рынка сертификатов предполагает, что сертификаты, выданные в одном государстве, могут быть использованы для исполнения обязательств по сертификации электроэнергии в другом государстве (ст. 3 Соглашения о совместном рынке сертификатов электроэнергии)³².

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Agreement between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the Kingdom of Norway on a common market for electricity certificates of 29 June 2011. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/No%20Volume/56628/Part/I-56628-080000028050c005.pdf> (accessed 26.05.2022).

³² Ibidem.

Несмотря на установление описанных общих принципов функционирования системы сертификатов, договаривающиеся государства принимали во внимание существующие различия национального законодательства, например в части налоговых норм и правил. Поэтому ряд деталей, касающихся применения схемы совместной поддержки, например процедура поэтапного отказа от схемы после истечения срока ее действия, различна для инвесторов обоих государств [Klessman et al. 2014:7].

Тем не менее и в данном случае нельзя не обратить внимание на то, что в определенной степени договаривающиеся государства пошли на самоограничение суверенитета в национальной политике, обязавшись не принимать иных мер поддержки ВИЭ производителями электроэнергии³³.

Главными проблемами имплементации механизмов сотрудничества государств – членов ЕС, причиной которых являются *внешние факторы* (не связанные с содержанием RED II), на наш взгляд, являются следующие:

1. *Недостаточность механизмов сотрудничества для обеспечения энергетической безопасности ЕС и отдельных государств-членов в условиях роста энергопотребления в конце 2021 г. и курса ЕС на снижение зависимости от импорта российского газа (и иных энергоносителей) в связи со специальной военной операцией России на территории Украины.*

Результатом восстановления мировой экономики в 2021 г. после начала пандемии COVID-19 и отмены карантинных ограничений (в том числе связанных с пересечением границ) ста-

ло увеличение спроса на электроэнергию, не покрываемого предложением электроэнергии, производимой из низкоуглеродных источников. Совместно с резким ростом цен на природный газ это привело к увеличению мирового производства электроэнергии с использованием угля на 9 % – до 10 000 ТВт/ч. В свою очередь, в Европейском союзе, согласно прогнозу МЭА, увеличение выработки электроэнергии на угле составило 20 % в 2021 г.³⁴.

Обозначенная тенденция, а именно рост цен на природный газ и увеличение спроса на уголь, значительно усилилась в связи с началом Россией специальной военной операции на территории Украины и принятием Европейским союзом односторонних ограничительных мер, в частности запрета импорта российского угля³⁵ и провозглашением достижения независимости от поставок российского газа и иных углеродных ресурсов в качестве приоритета экономической политики³⁶.

При этом уже к 2018 г. на территории ЕС существенно сократилось количество собственных угольных шахт государств-членов [Alves Dias et al. 2018:46].

В результате недостаточности собственного производства электроэнергии из угля в качестве альтернативы природному газу ряд государств – членов ЕС (в частности Германия, Италия, Чехия, Болгария³⁷) объявили о восстановлении выведенных из эксплуатации угольных шахт и ТЭС. Так, в Германии 08 июля 2022 г. принят Закон «О наличии запасных электростанций для снижения потребления газа в электроэнергетическом секторе в случае потенциальной нехватки газа и о внесении изменений в Закон об

³³ Ibid. Art. 5.

³⁴ International Energy Agency: Coal 2021: Analysis and forecast to 2024. December 2021. P. 6 URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/f1d724d4-a753-4336-9f6e-64679fa23bbf/Coal2021.pdf> (accessed 25.06.2022).

³⁵ См.: EU: Council Regulation No. 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. Art. 3j(1). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32014R0833&from=EN> (accessed 25.06.2022).

³⁶ EU: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions REPowerEU: Joint European Action for more affordable, secure and sustainable energy. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A108%3AFIN> (accessed 25.06.2022).

³⁷ См., например: Глобальная энергетика возвращается к угольной генерации. – Ведомости. 25.04.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/26/919731-globalnaya-energetika-vozvrashaetsya-k-ugolnoi-generatsii> (дата обращения: 25.06.2022); Some EU members turn back to coal to cut reliance on Russian gas. – *Climate home news*. March 15, 2022. URL: <https://www.climatechangenews.com/2022/03/15/some-eu-members-turn-back-to-coal-to-cut-reliance-on-russian-gas/> (accessed 25.06.2022).

энергетике и другие нормативные акты об энергетике»³⁸. Согласно данному закону для снижения потребления газа в электроэнергетике резерв замещения газа должен быть создан до 31 марта 2024 года. Предусматривается возобновление работы угольных электростанций, если объемы поставок газа недостаточны для производства электроэнергии. При этом электростанции, работающие на нефти и угле, должны быть модернизированы, чтобы они стали доступными для рынка в любое время³⁹.

Следует отметить, что рост потребления угля государствами – членами ЕС, активизация угольной промышленности противоречат заявленной в RED II цели достижения «устойчивой конкурентной энергетической политики»⁴⁰, которая «тесно связана с необходимостью сохранения, защиты и улучшения качества окружающей среды, а также с поощрением разумного и рационального использования природных ресурсов, в частности за счет повышения энергоэффективности и энергосбережения, а также разработки новых и возобновляемых видов энергии»⁴¹. Аналогично, принятая в 2019 г. «Европейская Зеленая сделка» (European Green Deal) предполагает, что страны ЕС должны стать углеродно нейтральными к 2050 г.⁴². Обозначенные меры в случае, если они будут, вопреки первоначальным планам, применяться на долгосрочной основе, неизбежно поставят вопрос их соответствия Целям устойчивого развития (ЦУР) ООН⁴³, в частности ЦУР

№ 7 «Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех», которая призывает, в частности, к значительному увеличению в мировом энергобалансе доли энергии из ВИЭ (7.2), а также ЦУР № 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям», предполагающей модернизацию инфраструктуры, повышение ее устойчивости за счет расширения применения чистых и экологически безопасных технологий и промышленных процессов (9.4).

Несмотря на это, возможность расконсервации угольных шахт была названа МЭА в качестве одного из вариантов краткосрочного решения проблемы зависимости Европейского союза от российского природного газа, подготовленном Агентством «Плане из 10 пунктов»: «По нашим оценкам, временный переход с газа на уголь или мазут может снизить потребность в газе для производства электроэнергии примерно на 28 млрд кубометров до того, как в ЕС произойдет общее увеличение выбросов, связанных с энергетикой»⁴⁴.

2. *Нестабильность производства электроэнергии из ВИЭ (в частности, с использованием энергии ветра), влияющая на выбор в пользу углеродных энергоносителей в вопросах обеспечения энергетической безопасности государств-членов и Союза.*

Рост спроса на электроэнергию в связи с восстановлением мировой экономики после начала

³⁸ Gesetz zur Bereithaltung von Ersatzkraftwerken zur Reduzierung des Gasverbrauchs im Stromsektor im Fall einer drohenden Gasmangellage durch Änderungen des Energiewirtschaftsgesetzes und weiterer energiewirtschaftlicher Vorschriften vom 08.07.2022. URL: <https://dejure.org/ext/8489a1a6cc83633ab608e2a3fad0030e> (accessed 12.07.2022).

³⁹ Ibid.

⁴⁰ EU: Directive 2018/2001 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the promotion of the use of energy from renewable sources (Text with EEA relevance). Preamble (61). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32018L2001&from=EN> (accessed 25.06.2022).

⁴¹ EU: Regulation 2018/1999 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 on the Governance of the Energy Union and Climate Action, amending Regulations (EC) No 663/2009 and (EC) No 715/2009 of the European Parliament and of the Council, Directives 94/22/EC, 98/70/EC, 2009/31/EC, 2009/73/EC, 2010/31/EU, 2012/27/EU and 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council, Council Directives 2009/119/EC and (EU) 2015/652 and repealing Regulation (EU) No 525/2013 of the European Parliament and of the Council (Text with EEA relevance.) Preamble (3). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:02018R1999-20210729&qid=1663142581706&from=en> (accessed 25.06.2022).

⁴² Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - The European Green Deal. Para. 2.1.1. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN> (accessed 25.06.2022).

⁴³ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи № 70 / 1 от 25 сентября 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.». Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/70/1> (дата обращения: 25.06.2022).

⁴⁴ IEA: A 10-Point Plan to Reduce the European Union's Reliance on Russian Natural Gas. March 2022. P. 11. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/1af70a5f-9059-47b4-a2dd-1b479918f3cb/A10-PointPlanToReducetheEuropeanUnionsRelianceonRussianNaturalGas.pdf> (accessed 25.06.2022).

пандемии и последовавшие за этим политические шаги по отказу от российских энергоносителей, которые привели к существенному отклонению от «зеленого курса», происходили на фоне снижения стабильности добычи электроэнергии с использованием ветряных электростанций в сентябре 2021 г.⁴⁵, а также в апреле 2022 г.⁴⁶. При этом в 2021 г. европейские ВЭС покрыли 15 % спроса на электроэнергию в странах ЕС и Великобритании⁴⁷.

Нестабильность ветряных электростанций для производства электроэнергии в ЕС стала одной из причин увеличения углеродоемких производств государствами-членами вразрез с целями «зеленой политики» и устойчивого развития.

На наш взгляд, совокупность факторов (1) и (2) при сохранении односторонних ограничительных мер ЕС в отношении российского энергетического сектора может в долгосрочной перспективе негативно отразиться на достижении обязательных целей, предусмотренных RED II и, таким образом, привести к нарушению положений указанной директивы. Полагаем, в случае возникновения вопроса о привлечении к ответственности за указанные нарушения в соответствии с правом ЕС, ответственные государства-члены могут ссылаться, в частности, на наличие обстоятельств форс-мажора (особенно в части особенностей производства электроэнергии с использованием ВЭС), а также на необходимость защиты существенного интереса⁴⁸ соот-

ветствующего государства-члена (обеспечение надежности энергоснабжения), что, в свою очередь, является одной из основ функционирования ЕС – обеспечением надежности энергоснабжения в Союзе⁴⁹. Кроме того, не исключено, что на основании уже упомянутого п. 3 ст. 33 RED II и с учетом практики реализации Директивы государствами-членами Европейская Комиссия подготовит изменения в нормативно-правовое регулирование соответствующих механизмов и обязательных целевых показателей по переходу на возобновляемую энергетику, что снимет вопрос об ответственности за потенциальные нарушения Директивы.

Таким образом, хотя правовая регламентация ЕС механизмов сотрудничества между государствами-членами может служить примером лучших практик международного сотрудничества в области ВИЭ, их практическая эффективность для реализации целей устойчивого развития и борьбы с изменением климата в большой степени зависит от того, в каких политико-экономических условиях осуществляется их использование. Именно эти условия и процессы определяют в каждый конкретный момент, насколько механизмы сотрудничества государств-членов смогут обеспечить энергетическую независимость и энергетическую безопасность ЕС и отдельных государств и способствовать достижению геополитических целей ЕС в международных отношениях с третьими государствами и, в частности с Россией.

⁴⁵ Wallace J. Energy Prices in Europe Hit Records After Wind Stops Blowing. – Wall Street Journal. September 13, 2021. URL: https://www.wsj.com/articles/energy-prices-in-europe-hit-records-after-wind-stops-blowing-11631528258?mod=hp_lead_pos5 (accessed 25.06.2022).

⁴⁶ Из-за безветренной погоды в Европе заявки на поставку российского газа увеличиваются. – *Интерфакс*. 25.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/837665> (дата обращения: 25.06.2022).

⁴⁷ Wind energy in Europe 2021 - Statistics and the outlook for 2022-2026. February 2022. P. 9. URL: https://proceedings.windeurope.org/biplatform/rails/active_storage/blobs/eyJfcmFpbHMiOnsibWVzc2FnZSI6KjBaHBBbFFElwiZlhwLjpuZDVsLWJwdXliOiJibG9iX2lkn19--f507a22c9854863e01fd427239f10167d031cc66/Windeurope-Wind-energy-in-Europe-2021-statistics.pdf (accessed 25.06.2022).

⁴⁸ В частности, в докладе Roberto Ago, 'Addendum – Eighth Report on State Responsibility' указывается, что существенный интерес государства, защита которого осуществляется в случае возникновения состояния необходимости, может состоять, в том числе, в обеспечении дальнейшего функционирования основных услуг такого государства, его политического или экономического выживания: "The alleged situation of extreme peril does not take the form of a threat to the life of individuals whose conduct is attributed to the State, but represents a grave danger to the existence of the State itself, its political or economic survival, the continued functioning of its essential services, the maintenance of internal peace, the survival of a sector of its population, the preservation of the environment of its territory or a part thereof, etc.". См: Addendum to the eighth report on State responsibility, by Mr. Roberto Ago. 1980. P. 14. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_318_add5_7.pdf (accessed 25.06.2022).

⁴⁹ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Rome, 1957, as amended by the Treaty of Lisbon, signed on 13 December 2007. Art. 194(1)(b). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed 25.06.2022).

4. Проблемы применимости механизмов сотрудничества по проблемам ВИЭ между государствами – членами ЕС к международным отношениям с участием России

4.1. Евразийский экономический союз и Содружество Независимых Государств: перспективы сотрудничества в сфере ВИЭ

Оценивая нормативную значимость RED I (сущность которой в целом сохранена в тексте RED II), С. Брюс отмечает, что данный документ «стремится сбалансировать суверенитет [государств – членов ЕС] с целями в области возобновляемых источников энергии, в значительной степени предоставляя выбор в применении [соответствующих] технологий», называя ЕС «политическим новатором в области изменения климата и экологически чистых технологий» [Stuart 2013:11].

На наш взгляд, хотя ЕС и является уникальной международной организацией с высокой степенью политической и экономической интеграции среди государств-членов, рассмотренные выше правовые механизмы межгосударственного сотрудничества внутри ЕС могли бы стать идейной основой для разработки институтов сотрудничества в сфере ВИЭ на региональном уровне, например, в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Одной из наиболее перспективных платформ для развития сотрудничества в данной сфере, на наш взгляд, могло бы стать продвижение соответствующих инициатив на платформе ЕАЭС как международной организации, взаимодействие государств в рамках которой направлено как раз на интеграцию рыночных систем, хотя и в существенно меньшей степени, чем в Европейском союзе.

В настоящее время Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г., далее – Договор о ЕАЭС) не содержит положений о сотрудничестве государств-членов

(в число которых входит и Россия) в области ВИЭ. Наименование раздела XX и содержание п. 1 ст. 79 Договора о ЕАЭС, вместе с тем, свидетельствуют о том, что взаимодействие государств в рамках данной международной организации будет осуществляться в сфере энергетики в целом, а не только с целью формирования рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что вопросы энергоэффективности и ВИЭ получили недостаточное развитие в положениях Договора о ЕАЭС [Гликман, Назарова 2020:33]. Только в ст. 52 упоминается, что технические регламенты и стандарты ЕАЭС принимаются «в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения» (но в ст. 79 в числе основных принципов взаимодействия в сфере энергетики энергоэффективность не указана). Упоминаний о приоритетах в области возобновляемой энергетики Договор о ЕАЭС не содержит в принципе. Тем не менее и Договоры о ЕС не содержат развернутых положений о приоритетных направлениях использования). В то же время это не мешает институтам ЕС предлагать государствам-членам механизмы сотрудничества, которые, по его мнению, могли бы быть оптимальными для достижения целей увеличения энергопотребления с использованием ВИЭ. Таким образом, можно предположить, что формулировки Договора о ЕАЭС в части энергетического взаимодействия носят общий характер и по сути «предполагают наполнение самыми различными инициативами», не ограничиваясь формированием общих энергорынков [Шугуров 2022:100].

Необходимо отметить, что в ряде документов, принятых органами ЕАЭС, в числе приоритетных направлений сотрудничества все же названо взаимодействие государств-членов в области энергосбережения, энергоэффективности, и даже – *in concreto* – использования ВИЭ⁵⁰. При этом формулировки документов ЕАЭС в указан-

⁵⁰ Например, в Решении Высшего Евразийского экономического совета № 9 «Об основных ориентирах макроэкономической политики государств — членов Евразийского экономического союза на 2021-2022 годы» (дата принятия документа: 21.05.2021) среди приоритетных направлений развития «научно-технологического и производственного потенциала Союза» обозначены, в том числе, «выработка подходов к взаимодействию государств-членов в области ... использования возобновляемых источников энергии...». «Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов Евразийского экономического союза» (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 19) указывают на необходимость внедрения «альтернативных видов топлива и возобновляемых источников энергии с целью снижения выбросов парниковых газов и увеличения доли применения экономичных и экологических

ной области можно охарактеризовать как носящие в основном декларативный характер, но не как обязательства государств – членов ЕАЭС. Данный вывод подтверждается и отсутствием конкретных инициатив в рамках ЕАЭС (в том числе с участием России) в сфере ВИЭ. Тем не менее само включение проблем ВИЭ в повестку развития экономической интеграции государств-членов⁵¹ свидетельствует о потенциале ЕАЭС как международной площадки для координирования государствами-членами, включая Россию, своей энергетической политики в области ВИЭ. Перспективы работы в направлении разработки общих правовых механизмов сотрудничества с участием России на платформе именно ЕАЭС, а не других международных организаций, можно увидеть и в относительно узком кругу государств – членов ЕАЭС.

Вышеизложенное, а также ориентированность ЕАЭС главным образом на экономическое сотрудничество предоставляют этой международной организации преимущество по сравнению, например, с СНГ, где вопросы экономического развития могут «перекрываться» проблемами политического характера, что способно помешать внедрению единых механизмов сотрудничества, приемлемых для всех государств-членов.

В качестве примера таких препятствий в рамках СНГ можно привести, в частности, следующее. Основным документом, оформляющим принципы сотрудничества государств – членов СНГ в сфере ВИЭ, является Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии, которая утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2013 г. (далее – Концепция 2013 г.)⁵². Содержание Концеп-

ции в целом типично для актов «мягкого права» в данной области: государства-члены признают необходимость внедрения в экономический оборот ВИЭ с целью снижения нагрузки на окружающую среду и устойчивого развития энергетических систем государств-членов. Тем не менее необычно для подобных документов звучит следующее положение Концепции:

«Положения Концепции являются основой для разработки и заключения между государствами, подписавшими настоящую Концепцию, международных договоров и иных международных и национальных нормативных правовых актов государств-участников СНГ, а также межгосударственных программ в сфере использования ВИЭ».

То есть акт «мягкого права» согласованным волеизъявлением государств – членов СНГ рассматривается как «основа» для будущих «международных договоров».

Вместе с тем отсутствует единообразное мнение других государств – участников СНГ относительно необходимости реализации обозначенного договорного уровня сотрудничества: из десяти подписантов Концепции⁵³ три государства (Азербайджан, Украина и Молдова) заявили о неприменении в их отношении положений относительно сотрудничества в области заключения международных договоров. «План первоочередных мероприятий» (который является приложением к Концепции), также не содержит упоминаний о предстоящих обсуждениях проектов международных договоров по данной тематике. Единственное упомянутое в Плане направление сотрудничества, которое могло бы привести к заключению соответствующих соглашений, – это проработка вопроса о введении на территориях государств – участников СНГ «сертификата о подтверждении происхождения

транспортных средств». См. также: Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами, прилагаемый к Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 февраля 2017 г. № 5; Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Принята в г. Санкт-Петербурге 6 декабря 2018 г.).

⁵¹ План мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. Утв. распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. Доступ: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01429229/err_17052021_4 (дата обращения: 25.06.2022).

⁵² Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в области использования возобновляемых источников энергии, утв. Решением Совета глав правительств СНГ от 20 ноября 2013 г. Доступ: <http://energo-cis.ru/wyswyg/file/Documents%20EES%20SNG/Razdel%201/1.27.%20Концепция%20сотрудничества%20в%20области%20использования%20ВИЭ.pdf>. (дата обращения 25.06.2022).

⁵³ Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина.

энергии, вырабатываемой из ВИЭ» и приданию им международного статуса (пункты 3.4 и 3.5 Плана мероприятий). Вместе с тем данный Проект впоследствии не рассматривался государствами – членами СНГ.

Возвращаясь к перспективам разработки механизмов сотрудничества государств-членов под эгидой ЕАЭС, заметим, что среди направлений такого сотрудничества в сфере ВИЭ, как правило, предлагается производственно-технологическое и научное сотрудничество государств-членов, в частности с использованием «совместных объектов инновационно-индустриальной инфраструктуры» (таких как Евразийские технологические платформы «Технологии экологического развития» и «Энергетика и электрофикация», а также Евразийский инжиниринговый клуб, Евразийская сеть промышленной субконтракта, промышленной кооперации и трансфера технологий) [Шугуров 2022:105].

В то же время дальнейшее развитие такого сотрудничества неразрывно связано с его надлежащим институциональным оформлением, выработкой согласованных подходов и стратегий развития ВИЭ, гармонизацией положений национальных политико-программных документов и, в перспективе, законодательных мер регулирования соответствующих проектов. На наш взгляд, в этом плане может быть полезен концептуальный подход ЕС к установлению плановых показателей по достижению доли ВИЭ в энергобалансе Союза и предложению направлений сотрудничества государств-членов в рамках совместных проектов (и установлению общих принципов функционирования таких проектов).

4.2. Арктический совет как потенциальная платформа для разработки механизмов международного сотрудничества в области ВИЭ в Арктике

Арктический совет (далее – АС), учрежденный в 1996 г. как межгосударственный регио-

нальный «форум высокого уровня»⁵⁴ восемью государствами, территория которых пересекается параллелью 66 градусов 33 минуты северной широты (Северным полярным кругом), обеспечивает наиболее авторитетный международно-правовой механизм сотрудничества арктических государств, уточнения и согласования их официальных позиций по арктической проблематике, выявления новых возможностей регионального взаимодействия, прежде всего, в целях охраны окружающей среды. Уникальность такому взаимодействию придает представительство в АС коренных народов Севера, что способствует гармонизированному продвижению политико-правовых механизмов устойчивого Арктического региона [Арктический регион...2013:175–178]. Показательно, что министры иностранных дел всех восьми арктических государств согласованно констатировали в Кирунской декларации (2013 г.) «лидерство Арктического совета в осуществлении конкретных действий по реагированию на новые вызовы и возможности»⁵⁵.

В соответствии с Оттавской декларацией 1996 г. (Примечание 1) Арктический совет не вправе заниматься вопросами военной безопасности в Арктике.

Учитывая упомянутые ценности АС, примечательно, что в числе приоритетов председательства на 2021–2023 гг. Россией заявлена работа по «широкому внедрению передовых инновационных технологий в промышленности, транспорте и энергетике, включая развитие возобновляемых источников энергии»⁵⁶. Принимая во внимание участие в АС в качестве наблюдателей 13 неарктических государств, включая ряд государств – членов ЕС, указанное заявление демонстрирует готовность России к обсуждению вопросов практического использования ВИЭ в Арктике, где этот инновационный экологический трек особенно востребован.

Вместе с тем, с учетом политической ситуации, сложившейся в связи с проведением Росси-

⁵⁴ Английский текст Декларации 1996 г. опубликован в: Arctic Council: 1996 Ottawa Declaration. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (accessed 25.06.2022). Об АС, правовых документах, определяющих его статус см.: [Вылегжанин и др. 2021а].

⁵⁵ Тексты деклараций АС на англ. языке систематизированы в изданной за рубежом книге: [Berkman, Vylegzhanin, Young 2019:152–206].

⁵⁶ Outline of the statement by Sergey Lavrov at the presentation of the programme of the Russian Chairmanship in the Arctic Council in 2021-2023. May 20, 2021. URL: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/2661/MMIS12_2021_REYKJAVIK_Statement-Russian-Chairmanship-Programme_Minister-Lavrov.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 25.06.2022).

ей специальной военной операции на территории Украины, будущее Арктического Совета и международного сотрудничества под его эгидой с участием России остается неопределенным в долгосрочной перспективе⁵⁷. Так, семь государств – членом АС (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Швеция и США) 03 марта 2022 г. приняли «Совместное заявление о сотрудничестве в рамках Арктического Совета после вторжения России в Украину» (Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine)⁵⁸, согласно которому было приостановлено любое сотрудничество и проекты с участием РФ в АС.

Данная позиция государств-членов, исключая участие РФ в решении арктических проблем, не может быть признана конструктивной. Решение многих проблем Арктического региона, в том числе в области защиты хрупкой арктической среды, не представляется возможным без участия России, поскольку площадь районов Арктики, находящихся под суверенитетом и юрисдикцией РФ, приближается к половине всей площади Арктики, а влияние России на становление статуса Арктики подтверждается еще договорами XIX века [Вылегжанин и др. 2021b].

По словам М. Байерса, необходимость диалога между всеми арктическими государствами обусловлена «историческим хрупким балансом между льдами и водой в регионе» (the region's historic, fragile balance between ice and water), делающим его «уникально уязвимым к изменению климата и крайне важным для глобального климата» (uniquely vulnerable to climate change, and utterly essential to the global climate). Даже если первоначально такой диалог будет «ползучим» (creeping), он должен развиваться по мере понимания преимуществ взаимодействия по вопросам общего значения государствами, «где преобладают интересы безопасности» [Byers 2013:215].

В этом смысле международное сотрудничество в арктическом регионе, установленное Арктическим советом, «свидетельствующее об особой ответственности арктических государств» (bearing evidence of the special responsibility of the Arctic states) [Jacobsson 2013:360], является од-

ним из важнейших инструментов для развития региона.

5. Заключение

Возрастающее влияние возобновляемой энергетики в мировом энергобалансе неизбежно ставит вопрос о приемлемом международно-правовом режиме ВИЭ с учетом различных экономических интересов и потребностей не только ведущих энергетических держав – экспортеров энергоносителей, но и всех заинтересованных государств. Данная проблематика имеет сегодня ярко выраженный политический оттенок. Соответственно, межгосударственные усилия, связанные с обсуждением ее правового содержания пока в основном остаются на уровне «мягкого права», которое направлено на поощрение международного сотрудничества в сфере научных исследований, технологических разработок и совершенствования национального законодательства, поощряющего использование ВИЭ.

В этом плане актуален анализ механизмов международного сотрудничества, разработанных для государств – членом ЕС, международной организации с высоким уровнем политической и экономической интеграции.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сформулировать ряд следующих выводов.

Во-первых, уровень и детальность проработки нормативно-правовых актов ЕС (директив и регламентов), а также использованные в них концепции совместной деятельности государств в области ВИЭ, направленной на достижение конкретных целевых показателей в сфере энергопотребления из «чистых» источников, позволяют отнести механизмы сотрудничества государств-членов, закрепленные в таких актах, к примерам лучших практик международного сотрудничества в области ВИЭ (статистические передачи возобновляемой энергии, совместные проекты и совместные схемы поддержки).

Тем не менее, несмотря на многочисленные преимущества использования таких механизмов сотрудничества и их потенциал в области устой-

⁵⁷ Вяхирева Н. Диалог с Россией в Арктике на паузе. — *Международный дискуссионный клуб Валдай*. 20.04.2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dialog-s-rossiey-v-arktike-na-pauze/> (дата обращения 25.06.2022).

⁵⁸ Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. March 3, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (accessed 25.06.2022).

чивого развития и решения глобальной проблемы изменения климата, они все еще недостаточно используются государствами – членами ЕС. Эта ситуация вызвана не только несовершенствами юридической техники (что порождает неопределенность в отношении продления сроков их применения после 2030 г., отсутствие практики применения санкций за несоблюдение обязательных целей, предусмотренных директивами, неочевидность пользы для электроснабжения применяющих механизмы сотрудничества государств, наличие определенных ограничений суверенитета государств-членов), но и существующей геополитической и экономической реальностью, в которой ВИЭ в силу своих особенностей, главная из которых – нестабильность производства электроэнергии, оказались недостаточно способными оперативно обеспечить энергетическую независимость в условиях односторонних ограничительных мер, принимаемых ЕС в отношении российского энергетического сектора.

Одним из последствий таких ограничительных мер стало принятие рядом государств – членов ЕС решения о возобновлении деятельности угольных шахт и электростанций, несмотря на то, что уголь считается наименее «устойчивым» топливом. Частичный переход на угольную электроэнергию в случае продолжения действия ограничительных мер в течение длительного времени может негативно отразиться как на достижении ЦУР ООН, так и повлиять на исполнение обязательств государств – членов ЕС по достижению обязательных показателей, установленных директивой RED II (с возможной постановкой вопроса об ответственности за ее нарушение).

Во-вторых, с учетом преимуществ механизмов сотрудничества государств ЕС, некоторые из них концептуально могут быть использованы

при разработке организационных форм сотрудничества между государствами – членами международных организаций и форумов, участником которых является и Россия. Наиболее перспективным в данном направлении могла бы быть разработка и надлежащая институционализация соответствующих механизмов научно-технологического сотрудничества в области ВИЭ среди государств-членов в рамках ЕАЭС. В настоящее время в рамках ЕАЭС приняты в основном документы декларативного характера, в которых упоминается сотрудничество в сфере ВИЭ, что указывает на взаимный интерес государств-членов к взаимодействию в данной сфере. При этом Договор о ЕАЭС, хотя и говорит в силу достаточно общего характера, не содержит препятствий к формированию общих энергетических рынков, иных, чем рынки электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, прямо упомянутые в ст. 79 Договора о ЕАЭС.

В-третьих, актуальна проблема взаимодействия между государствами – членами Арктического совета в отношении экологических проблем Арктического региона. Несмотря на то, что в настоящее время государствами – членами АС объявлено о приостановке многих проектов с участием России в Арктике, признается, что в долгосрочной перспективе межгосударственный диалог с участием РФ по соответствующим проблемам не может быть полностью остановлен, поскольку этого требует обеспечение экологической безопасности Арктического региона. В связи с этим автор полагает, что обсуждение приоритетов сотрудничества, заявленных Россией в программе ее председательствования в АС в области возобновляемых источников энергии, будет продолжено в целях совместного поиска взаимоприемлемых форм его реализации (в том числе с учетом практики Европейского союза).

Список литературы

1. Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. В трех томах. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. 2013. М.: Аспект Пресс. 2013. 660 с.
2. Бутузов В.А. 2019. История и проблемы развития геотермальной энергетики в России. – *Окружающая среда и энергетика*. №4. С.4–19. DOI: 10.5281/zenodo.3662719
3. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2021а. *Арктический совет: статус и деятельность*. М.: РСМД. 96 с.
4. Вылегжанин А.Н. [и др.]. 2021b. *Сотрудничество и*

состязательность государств в Арктике: потенциал международного права и научной дипломатии. Аналитический доклад. М.: МГИМО. 59 с.

5. Вылегжанин А.Н. 2005. Недропользование: некоторые теоретические вопросы международного права. – *Московский журнал международного права*. № 3-1. С. 7-33. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-5-7-33>
6. Вылегжанин А.Н., Салыгин В.И., Крымская К.В. 2020. Трансграничное недропользование: международно-правовые механизмы неконфликтной политики государств. – *Международные процессы*. Т.18. №3. С.23–41. DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.2

7. Гликман О.В., Назарова А.У. 2020. Международно-правовые основы энергетического сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза. – *Право и управление. XXI век.* №1. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-28-35>.
8. Слива И. В. 2014. *История гидроэнергетики России.* Тверь: Тверская Типография. 302 с.
9. Шугуров М.В. 2022. Перспективы формирования системы правовых и стратегических основ научно-технологического сотрудничества государств ЕАЭС в сфере возобновляемой энергетики. – *Московский журнал международного права.* № 1. С. 78–112. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-78-112>
10. Alves Dias P. [et al.]. 2018. *EU coal regions: opportunities and challenges ahead.* 189 p. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC112593/kjna29292enn.pdf> (accessed 25.06.2022)
11. Berkman P.A., Vylegzhanin A. Young O. R. 2019. *Baseline of Russian Arctic Laws.* Cham: Springer. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-06262-0>
12. Byers M. 2013. *International Law and the Arctic.* Cambridge: Cambridge University Press. 337 p. DOI:10.1017/CBO9781107337442.
13. Jacobsson M. 2013. Cooperation in the Arctic Region: Legal Aspects. – *Environmental Security in the Arctic Ocean.* Ed. by P.A. Berkman and A.N. Vylegzhanin. Dordrecht: Springer. P. 359–368. DOI: 10.1007/978-94-007-4713-5_31
14. Klessman C. [et al.]. 2014. *Cooperation between EU Member States under the RES Directive.* 79 p. URL: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/2014_design_features_of_support_schemes_task1--2.pdf (accessed 25.06.2022)
15. Monti A., Martinez Romera B. 2020. Fifty shades of binding: Appraising the enforcement toolkit for the EU's 2030 renewable energy targets. – *Review of European, Comparative & International Environmental Law.* Vol. 29. Issue 2. P. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.1111/reel.12330>
16. Stuart B. 2013. International Law and Renewable Energy: Facilitating Sustainable Energy for All?. – *Melbourne Journal of International Law.* Vol. 14. Issue 1. P. 1–36. URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0011/1687439/02Bruce1.pdf (accessed 25.06.2022)
17. Wyns T., Khatchadourian A. 2016. Situational analysis of EU renewable energy legislation. – *Climate Policy.* Vol. 16. Issue 5. P. 568–585. DOI: 10.1080/14693062.2015.1135412.
18. Young O.R. 2021. *Grand Challenges of Planetary Governance. Global Order in Turbulent Times.* Cheltenham: EE Publishing. 192 p.
19. Applicable legal sources. Ed. by I.S. Ivanov]. Moscow. Aspekt Press Publ. 2013. 660 p. (In Russ.)
3. Berkman P.A., Vylegzhanin A. Young O. R. *Baseline of Russian Arctic Laws.* Cham: Springer. 2019. 734 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-06262-0>
4. Butuzov V.A. *Istoriya i problemy razvitiya geotermal'noi energetiki v Rossii* [History and development problems of geothermal power industry in Russia]. – *Okruzhayushchaya sreda i energovedenie.* 2019. No.4. P. 4–19. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.3662719
5. Byers M. *International Law and the Arctic.* Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 337 p. DOI:10.1017/CBO9781107337442.
6. Glikman O.V., Nazarova A.U. *Mezhdunarodno-pravovye osnovy energeticheskogo sotrudnichestva gosudarstv-chlenov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [International legal framework for energy cooperation between the member states of the Eurasian Economic Union]. – *Pravo i upravlenie. XXI vek.* 2020. No.1. P. 28–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2020-1-54-28-35>.
7. Jacobsson M. Cooperation in the Arctic Region: Legal Aspects. – *Environmental Security in the Arctic Ocean.* Ed. by P.A. Berkman and A.N. Vylegzhanin. Dordrecht: Springer. 2013. P. 359–368. DOI: 10.1007/978-94-007-4713-5_31
8. Klessman C. [et al.]. *Cooperation between EU Member States under the RES Directive.* 2014. 79 p. URL: https://www.eesc.europa.eu/sites/default/files/resources/docs/2014_design_features_of_support_schemes_task1--2.pdf (accessed 25.06.2022)
9. Monti A., Martinez Romera B. Fifty shades of binding: Appraising the enforcement toolkit for the EU's 2030 renewable energy targets. – *Review of European, Comparative & International Environmental Law.* 2020. Vol. 29. Issue 2. P. 221–231. DOI: <https://doi.org/10.1111/reel.12330>
10. Shugurov M.V. *Perspektivy formirovaniya sistemy pravovykh i strategicheskikh osnov nauchno-tekhnologicheskogo sotrudnichestva gosudarstv EAES v sfere vozobnovlyaemoi energetiki* [Prospects for the Formation of a System of Legal and Strategic Foundations of Scientific and Technological Cooperation between the EAEU Member States in the Field of Renewable Energy]. – *Moscow Journal of International Law.* 2022. No. 1. P. 78–112. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-1-78-112>
11. Sliva I. V. *Istoriya gidroenergetiki Rossii* [History of Russian hydropower]. Tver': Tverskaya Tipografiya Publ. 2014. 302 p. (In Russ.)
12. Stuart B. International Law and Renewable Energy: Facilitating Sustainable Energy for All?. – *Melbourne Journal of International Law.* 2013. Vol. 14. Issue 1. P. 1–36. URL: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0011/1687439/02Bruce1.pdf (accessed 25.06.2022)
13. Vylegzhanin A.N. [et al.]. *Arkticheskii sovetskiy status i deyatel'nost'* [The Arctic Council: status and activities]. Moscow: RSMD Publ. 2021a. 96 p. (In Russ.)
14. Vylegzhanin A.N. [et al.]. *Sotrudnichestvo i sostyazatel'nost' gosudarstv v Arktike: potentsial mezhdunarodnogo prava i nauchnoi diplomatii. Analiticheskii doklad* [Cooperation and competitiveness of states in the Arctic: the potential of international law and scientific diplomacy. Analytical report]. Moscow: MGIMO Publ. 2021b. 59 p. (In Russ.)

References

1. Alves Dias P. [et al.]. *EU coal regions: opportunities and challenges ahead.* 2018. 189 p. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC112593/kjna29292enn.pdf> (accessed 25.06.2022)
2. *Arkticheskii region. Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. V trekh tomakh. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki.* Gl. red. I.S. Ivanov [Arctic region. Problems of international cooperation. In three volumes. Volume 3.

15. Vylegzhanin A.N. Nedropol'zovanie: nekotorye teoreticheskie voprosy mezhdunarodnogo prava [Subsoil use: some theoretical issues of international law]. – *Moscow Journal of International Law*. 2005. No. 3-1. P. 7-33. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2005-5-7-33>
16. Vylegzhanin A.N., Salygin V.I., Krymskaya K.V. Transgranichnoe nedropol'zovanie: mezhdunarodno-pravovye mekhanizmy nekonfliktnoi politiki gosudarstv [Transboundary hydrocarbon resources: political and legal mechanisms for preventing international conflicts]. – *Mezhdunarodnye protsessy*. 2020. Vol.18. No. 3. P.23-41. (In Russ.). DOI 10.17994/IT.2020.18.3.62.2
17. Wynn T., Khatchadourian A. Situational analysis of EU renewable energy legislation. – *Climate Policy*. 2016. Vol. 16. Issue 5. P. 568–585. DOI: 10.1080/14693062.2015.1135412.
18. Young O.R. *Grand Challenges of Planetary Governance. Global Order in Turbulent Times*. Cheltenham: EE Publishing. 2021. 192 p.

Информация об авторе**Мария Андреевна Милюкова,**

адвокат, Московская коллегия адвокатов «Тимофеев, Фаренвальд и партнеры»

119270, Российская Федерация, Москва, Лужнецкая наб., д. 6

m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900

About the Author**Maria A. Milyukova,**

Attorney-at-Law, Moscow Law Firm “Timofeev, Vahrenwald and Partners”

6, Luzhnetskaya nab., Moscow, Russian Federation, 119270

m.milyukova@tbplaw.com
ORCID: 0000-0003-0245-2900